

началось недавно. Что делать — неизвестно! Американские финансисты не решили эту проблему. Пытаются решить ее российские финансисты, но пока безуспешно. Какие баталии разворачиваются на эту тему! Баталии очень важные и касаются непосредственно оплаты креативного труда.

Роль денег в будущем обществе: какой она может быть и какой должна быть? Какая приведет к добру, а какая — к исчезновению человечества? Пока неясно. Вопрос научный. Без решения этого вопроса любые утопии остаются утопиями и не более того.

Теперь перехожу к докладу О.Г. Леоновой. Я прочитал доклад — он мне понравился; прослушал — доклад не отличается от представленного текста. Могу сказать следующее.

Индекс аутентичности в России сейчас крайне низок, на что все мы обращаем внимание. Это крайний развал. Чем может Россия *идейно* обогатить мир? В стране надо решить вопрос о том, как все-таки обращаться с деньгами, с этим очень острым и очень опасным инструментом — почти атомной бомбой. Как с ней обращаться, чтобы не было взрыва? Но все-таки работать этот инструмент должен. Это само собой. Вот если этот вопрос в России будет решен, и увидит Бог, что это хорошо, вот тогда у России, согласно Вашему тезису, будет цивилизационное место в многополярном мире.

Способность к трансценденции как главное российское конкурентное преимущество

А.Н. Окара, кандидат юридических наук

Спасибо докладчикам за замечательную атмосферу, которая сегодня у нас царит.

Думаю, мы обсуждаем утопический проект, однако именно утопии являются топливом для движения в будущее. Мы не можем изложенную сегодня концепцию спроецировать

на социально-политическую реальность. Я вот лично не представляю себе технологию, при помощи которой можно создать механизм реализации левых идей в современной России — в условиях рентной экономики, в условиях трех больших иллюзий — демократии, империи и модернизации. Но даже самые иллюзорные левые социально-политические и экономические проекты могут влиять на власть даже в самых нелевых режимах — в части социальной политики.

Главный вопрос, возникающий в обществе, где креативная деятельность становится основным продуктом, по поводу которого выстраиваются социальные отношения, заключается в том, как сделать креативных людей, представителей свободного креативного класса, создающих конкурентные преимущества для страны и народа, выгодоприобретателями от своей деятельности.

Действительно, в новой парадигме все люди, все члены социальных отношений гипотетически и потенциально субъектны, обладают социальной и экзистенциальной самодостаточностью, поэтому здесь А.В. Бузгалиным очень к месту были упомянуты Михаил Михайлович Бахтин и его концепция диалога как нового типа дискурса. Подозреваю, что в новых социальных условиях концепция диалога, описанная прежде всего на примере романов Достоевского, которые, в отличие, скажем, от романов Толстого, диалогичны, а не монологичны, имеет шанс на второе рождение и переосмысление — применительно к новой социальной реальности, в которой: уже нет места для монологического дискурса; тоталитарные режимы невозможны в принципе; российская политическая система, основанная на властном моноцентризме, становится неконкурентоспособной и лишенной возможности к саморазвитию.

Концепция диалога предполагает те модели отношений, которые лучше всего описываются нелинейной термодинамикой. То есть речь о том, что новая социальная реальность, за которую стоит бороться и инвариант экономической со-

ставляющей которой мы увидели в сегодняшнем докладе, а также в иных, более эконоцентричных работах А.В. Бузгалина, должна быть не симуляционной, а онтологической. Поэтому сейчас, как мне представляется, есть две тенденции в мировом мейнстриме. Это, во-первых, постмодерн и его разновидности. И, во-вторых, что-то, что претендует на преодоление постмодерна. Поэтому и нужно разделять между собой то, что сейчас называют словом «креатив» (и его производными — «креативный класс», «креативное действие»), ибо в одном случае идет речь о подлинном творчестве, в другом — об имитации и симуляции, о производстве симулякров.

Да, действительно, от России ждут нового миростроительного проекта.

Русская культура и философия дают мировому сообществу некоторую надежду на то, что именно здесь появятся какие-то новые идеи в области онтологии, в области представлений о человеке и Боге, в области моделей новой социальности.

Сейчас у нас главное — это трубопровод, а некоторые ждут, когда же построят ИДЕЕПРОВОД.

Но на чем основано подобное ожидание? На чем зиждется наше, а также нередко встречающееся за российскими пределами представление о невостребованных возможностях России, шире — всех восточнохристианских народов?

Они заключаются вовсе не в генетическом коде, о котором мы сегодня много говорили. (Я так и не понял, чем он в России лучше, чем у других). И не в «загадочной русской душе», упоминание о которой превратилось в ироническую шутку либо в «прикол» для иностранцев, гостящих в Москве, — наряду с матрешками, балалайками, икрой и водкой. Но возможное преимущество, которое заложено в культурной матрице и которое, так получилось, развивалось в контексте восточнохристианских культур (не только русской, но и греческой, грузинской, украинской, сербской), связано с трансцендентностью. Трансцендентность в этих культурах выступала не периферийным явлением, как в культурах западноевропейских.

Трансцендентность, выход за узкие имманентные пределы бытия, в этих культурах выступала в качестве мейнстрима.

Подобная способность русской культуры к трансцендированию и настроенность на него и есть определенный ресурс, который сегодня может быть востребован в глобальной конкуренции миростроительных проектов. И сейчас речь следует вести о преодолении постмодерна, о преодолении антимодерна, о создании нового неомодерна или сверхмодерна. То есть речь должна идти о повышательном тренде. В этом контексте я вижу перспективу для левых идей. Для антимодерна или контрмодерна, в который нас сегодня запикивают, социал-демократические идеи и соответствующая риторика априори неактуальны.

Единственно, что для меня в докладе осталось загадкой: почему сторонники левого проекта в России готовы признать Сибирь и ее природные богатства достоянием всего человечества? Неужели их на это вдохновила Мадлен Олбрайт?

Путь России — неоиндустриальное развитие

М.В. Ремизов, кандидат философских наук

Мне близок один из основных тезисов доклада, который касается того, что опорной ставкой политики развития должны стать сферы социализации, сферы воспроизводства человеческого капитала. Недавний опыт Бразилии, где левыми правительствами была сделана ставка на опережающие инвестиции в человеческий капитал, кажется привлекательным. Тем более что мы пока, по большому счету, не видим тех новых технологических локомотивов экономического роста, новых прорывных отраслей, о которых говорил В.Л. Римский. А значит мы должны делать то, что в любом случае необходимо, — вкладывать в социальную и материально-техническую инфраструктуру.